

Учили

Жалят больно лицо
стрелы ветра.
Снег метет.
Словно вылит
из бронзы и света
Оленегод.

А оленей
несметное стадо,
А олени-красавцы
на зависть.

«Чум, однако,
сворачивать надо»,
Говорит их хозяин.

«Надо дальше
со стадом каслать,
Там, где ягель
погуще» —

И ему ли тундру
не знать,

Оленеводу Учили
Нож острее мороза,
а ножны
Из бересты
с красивым орнаментом.
И любого медведя
может

Наш Учили сразить
намертво.

Перевод с хантейского
Н. НАСЬЯНОВА.

ПОЛЯРНЫЕ ЗВЕЗДЫ
Фотоэтиюд В. Рочева.

Когда собаки прибежали в поселок, все сразу смекнули, что с парнем худо. Но все дело в том, что с воздуха эту проклятую избушку не заметишь. Приткнулась к берегу, укрылась снегом, как гриб мхом, и все. Потому-то ребята и припозднились.

Он лежал на нартах, и лицо у него было, ну как будто старику на руку резиновую перчатку натянули. И куряк на бороде. Он лежал и молчал. Мы уже потянулись было шапки снимать. И вдруг у него ресницы затрепетали. Ну, как будто бабочка между оконными рамами от зимней спячки пробуждается. Посмотрел он на нас эдак мутновато и снова глаза закрыл.

— Кешка, слышишь, это мы — прохрипел Федька — радист. — Это мы, слышь, Кешка.

Тогда он еще раз открыл глаза и видно понял, что все не во сне и говорит эдак спокойненько:

— Это вы, ребята? А я тут соскучился без вас. Если бы не Рыжкая, с тоски загнулся.

Ух ты, черт! Скучно ему, видите ли, было. Хоть ревом реви тут.

В отряд он прибыл с месяц назад. Вообще-то мы давно перебыли всякие там планы по работам на профиле. Но осталось каких-то паршивых две сотни километров, из-за которых в будущем году надо было снова лезти в эту муть. А дело к тому и клонилось. Того и гляди над палатками белые комары закружатся.

Собрал начальник всех ребят в кружок и произнес такую речь:

— По профилю-то не все ясно? Не все. А чуток задержимся — полный ажур будет. Вывезут самолетами по первому снежку. Как вы, ребята, можете?

Молчат ребята, мозгуют. Потому как эта тундра уже приелась всем, хуже свиной тушонки, которой геологов снабжают. Ну и обмозговали.

Как-то вернулись мы с профиля. Вера, наша практикантка из института, а по совместительству и повар, уху сварганила. Ну и сидим, значит, уху черпаем, косточки в бороды сплевываем. Во Франции, говорят, открыли где-то старичка, так у него борода была шестьдесят три метра. Ну, вот и мы отпускали, у кого длиннее будет. Тому по конкурсу по возвращении из тундры лишнюю бутылку пива ставят. Так вот, сплевываем мы рыбки косточки, балакаем о том, о сем. Начальник в блокноте черкает, какие-то формулы выводит. Федька-радист своих псов подкармливает — два кобеля у него были, хоть сейчас в упряжку, — словом, семейная такая обстановочка. Костер поигрывает, и если со стороны на нас смотреть, то можно подумать, что это лесные на свой совет собрались. Начальник блокнот захлопнул, и говорит:

— Ребятишки, скоро шабаш. Скоро к своим девочкам поедете. А здесь как пить дать буровую на будущий год поставят.

Радуетесь тихо так. Вдруг какая-то лодчонка к берегу приткнулась. Кого это несет, думаем. Рыбаки-ненцы далеко-далеко отсюда промышляют, стад оленьих поблизости не видать. Ждем. Один-то и вправду ненец оказался, а второй вот он, Кешка. Спрыгнул с лодки, рюкзакишко за плечи закинул, к нам направляется. Лодка отчалила, а мы, значит, на прибывшего смотрим. Оглядели с ног до головы. Как никак свежий человек. Может, что интересное скажет. Видок — так себе. Плывет на жердинке. И очки сверху. И говорит так интеллигентно:

— Здравствуйте, ребята. Я к вам оператором направлен. До конца работ.

— Привет, — сказали ребята. И снова молчат. А он ждет. Тогда Федька говорит эдак в пространство:

— Уберите эту рыжую суку, а то я ей хребет сломаю.

Это он о рыжей собаке, которая с новым оператором приплыла и сейчас по-ровила полакомиться косточками, которые Федька своим псам кидал.

— Это как так сломаю? — понтересовался очкарик.

— А так вот и сломаю. И унты сошью. — лениво пообещал Федька.

И добавил раздумчиво: — Зимы то здесь страсти какие холодные.

Но тут наш начальник повел новенького в палатку, а по пути Федьке кулак показал.

— Зря ты, Федька, в тот раз с Георгием не упыл, — сказал начальник. — Одичал, видать, в тундре.

Федька тут и сник. Уважал он начальника. Тот его много лет за собой в тундру таскал. Мастером сделал.

Так денечки и покатались. Очкарик интересным парнем оказался. С начальником итоги подведут, а потом садятся к костру и очкарик обязательно какую-нибудь из своих песенок запекает. Например, на такую тему:

— А что, ребята, если наша галактика не больше, чем клетка в каком-нибудь теле. И земля, и другие планеты — просто атомы. Им ведь здорово свободно в клетке. Ну и обледенение у нас наступило в результате неправильного обмена веществ в этом теле. А?

— Все это так, — говорит Федька. — Все это ясно, как божий день. Только в одном для меня туман: когда мозги свихиваются, то в правую или левую сторону? Ты вот что мне объясни, друг коверкотовый.

Друг коверкотовый, конечно, молчал. А глаза у Веры — практикантки, когда она смотрела на этого коверкотового, были похожи на галактики. Вот леги и леги, и нет конца. Вечность и звезды.

— Или этот антимир, — говорил очкарик. — Вдруг он есть на нашей планете? И ходят невидимые антигеологи, ищут в земле свою антинефть и антигаз. Сквозь нас проходят, а мы их не видим и не чувствуем.

А Верка-практикантка свои галактики раскрывает. Эх, жаль не мне лететь к ее далеким звездам. Вера с первого дня очкарика отличать стала, видно мы ей примелькались, и ему первому тарелку с наваром подсовывала.

Н О В Е Л Л А

Ю. Залин

РЫЖАЯ

— Зря ты, Федька, в тот раз с Георгием не упыл, — сказал начальник. — Одичал, видать, в тундре.

Федька тут и сник. Уважал он начальника. Тот его много лет за собой в тундру таскал. Мастером сделал.

Так денечки и покатались. Очкарик интересным парнем оказался. С начальником итоги подведут, а потом садятся к костру и очкарик обязательно какую-нибудь из своих песенок запекает. Например, на такую тему:

— А что, ребята, если наша галактика не больше, чем клетка в каком-нибудь теле. И земля, и другие планеты — просто атомы. Им ведь здорово свободно в клетке. Ну и обледенение у нас наступило в результате неправильного обмена веществ в этом теле. А?

— Все это так, — говорит Федька. — Все это ясно, как божий день. Только в одном для меня туман: когда мозги свихиваются, то в правую или левую сторону? Ты вот что мне объясни, друг коверкотовый.

Друг коверкотовый, конечно, молчал. А глаза у Веры — практикантки, когда она смотрела на этого коверкотового, были похожи на галактики. Вот леги и леги, и нет конца. Вечность и звезды.

— Или этот антимир, — говорил очкарик. — Вдруг он есть на нашей планете? И ходят невидимые антигеологи, ищут в земле свою антинефть и антигаз. Сквозь нас проходят, а мы их не видим и не чувствуем.

А Верка-практикантка свои галактики раскрывает. Эх, жаль не мне лететь к ее далеким звездам. Вера с первого дня очкарика отличать стала, видно мы ей примелькались, и ему первому тарелку с наваром подсовывала.

Д О Р О Г А

Эх, дороженька-ворга!
Вечер. Сумрак. Тени.
Мнут копытами снега
Бойкие олени.
В тундре новый городок
Окнами играет.
Как давно забытый стог
Чум стоит у края.
Эх, ошешки! Из-под нарт
Полоз искзы мечет.
...Так, наверно, летят
Радости навстречу.

Р. КОЧЕТКОВ,
рабочий.

Первопроходцы

Идут в страну сияния,
Где ветер и пурга.
Идут, кому свидания
Назначила тайга.
Идут в страну искания,
Где трудность — каждый час.
Хранит земля в молчании
Свое богатство — газ.
Идут навстречу трудностям,
Кто сердце не устал.
В страну повторной юности
По имени — Ямал.

Н. МОСКВИЧ,
работник салехардского
радиоузла.

Затосковали мы по теплой печке. А тут радиogramма: «Десять дней самолет. Готовьте площадку».

Заворошились мы. В тундре площадку найти не трудно. Нам, в частности, надо было только на другой берег речушки перейти. Федька еще раньше для своих псов салазки сделал, и аппаратуру на них возил. Головастый парень. Очкарик и свою Рыжую в упряжку предлагал, только Федька на это сказал:

— А унты как? Шкура потрется, какие из нее унты.

Погрузил Федька аппаратуру на санки, и пошел потихоньку по ледку.

— Осторожней, Федор, — говорит начальник.

— В детстве еще мать говорила: не ходи на реку. Утонешь, лучше домой не возвращайся, — отвечает Федька.

Уже половину речки прошли, уже две трети. А потом на месте упряжки полынья оказалась. Не выдержал ледок-то. Аппаратура, конечно, свернулась. Собаки на берег выскочили. А Федька стоит по горло в ледяной воде и во все горло бога честит, на чем только небеса держатся. А потом нырнул. Ух, ты!

А очкарик вдруг кинулся к полынье и со всего маху — бух туда! Федьку ташит. Тот вынырнул, да как крокет очкарика трехэтажным матом, да по шее ему. Без тебя, орет, тесно, теперь еще за твоими очками нырять. Цыть на берег! Он, оказывается, аппаратуру со дна доставал. Очкарик, как ошпаренный на берег выполз, ждет, что Федька ему со дна речного подаст.

— Федька, вылезай! — орет начальник. — Вылезай, туды твою в качель!

— Лезу! — орет Федька, а сам снова ныряет. Приемник выволок, на берег кинул. Снова с головой под воду.

На собаках шерсть льдом схватило. Обгрызают. А Федька — нырок за нырком. Наконец, вылез. Стоит, пошатывается. Говорит очкарику:

— Очки-то не нашел. Не обессудь, друг коверкотовый.

— Ничего, — говорит друг коверкотовый. — Ты раздевайся, в сухое залазь.

А к вечеру худо парню стало. И от рации нет помощи. Батареи на дне остались. К ночи бредить парень стал.

— Огни-то, огни... — мечется Федька. — Это не я один. Это и Кешка, и Вера, и все мы. Город-то какой, братцы. Не надо мне квартиру. Я в тундру, в тундру... Уж ты, леший. Душа-то у парня с искоркой.

А очкарика нет. Он позднее в палатку залполз, очкарик-то. Он Федькиных псов с упряжкой поймал, свою Рыжую к ним пристегнул. Ну и насчет отъезда решил с начальником посоветоваться.

А потом только санки завязжали. Так и уехал очкарик. Так и пропал на две недели. Когда собаки прибежали в поселок, все сразу смекнули, что с парнем худо.

(Окончание на 4-й странице).

(Начало на 3-й стр.).

Р Ы Ж А Я

Только с самолета эту избушку не увидишь. Вот в чем дело. Самолет-то к нам

на второй день пришел. По случаю просто оказался. Приглядывались, где лучше площадку оборудовать и нам по радию сообщить. Ну и заметались мы, когда самолет услышали. Как будто кто нам муравьев в штаны насыпал. Орем, руками мажем. Летчики, видимо, подумали, что мы приветствуем их, и крылышками помахали. Круг делают. На прощание. Тогда начальник скидывает с себя фуфайочку и подкидывает. А потом мало того, горящую фуфайку к палатке сует. Та тоже огнем занялась. Ну, летчики видно и подумали: раз такое дело, то или все с ума сошли, или другая беда стряслась. В общем, так и так садиться надо. Хотя бы для того, чтобы всех в психолечебницу отвезти.

А с очкариком вот что приключилось.

Ему километров двести отмахать надо было, а то и больше. Ну и правил он вдоль бережка, знал, что поселок-то как раз на нем стоит. Где пешочком, а где на салазках прокатится. Собаки сначала резво бежали, в охотку. А потом, видно, надоедать им такая работа начала. Только Рыжая все вперед рвалась. Чувствовала, что хозяину спешить надо. Так Федькины псы ее за это покусывать начали. Рыжая не уступает. Он, очкарик-то, все вдоль берега правил, ну и без очков-то не заметил, как собаки вдоль какого-то ручейка побежали. День проехал. Ночь едет. Ночи-то по перрсснежью светловатые были. Из сил выбылся, а собаки больше того. Отдохнули немного, и дальше. И снова впереди все пусто. И дошло, наконец, до очкарика, что заблудился он. Как муха в стакане. Только стакан-то в диаметре тысячи километров.

Обратно повернул, а следа нет. Перемело след-то. И псы ложатся через пять метров. Смотрят голодными глазами на очкарика. А один на Рыжую кинулся. Хотел в глотку, да в лапу уцепился. И чуть не перекусил. И перекусил бы, если бы очкарик его прикладом по голове не съездил. Очкарик парень ничего оказался, только с заскоком. «Сдохнешь тут с этой упряжкой, — сказал себе очкарик. — Все равно перегрызутся, и клочка от Рыжей не оставят. Отвяжу Рыжую, она меня не оставит. Псы не вперед, а за ней метаться будут. А там Федька помрает... И Вера плачет... Умрет Федька, и не будет одного из героев новых городов. И не узнают люди, как достается тот газ, на котором они котлеты жарят. И не узнают, какой был парень Федька». И очкарик смотрел на Рыжую. А она прижала уши и смотрела на него. Собаки всегда чувствуют, когда их хотят убить. Рыжая это чувствовала. А смотрела в глаза очкарику. И псы притихли. Почувствовали, что паленым запахло. А очкарик сидел на санках и смотрел на Рыжую. И думал, что вот умрет Федька, и никто не узнает, каким хорошим парнем он был.

Когда Кешка очнулся, Рыжей уже не было в упряжке. Перегрызла Рыжая постромку и сбежала. И хоть тундра гола, как ладонь, не было в тундре Рыжей. И очкарик пошел вперед. И собаки визжали и тащили постромки. А на обрывистом берегу очкарик сел на санки, чтобы тормозить ногой при спуске. Псы рванули и понеслись вниз. Так они и выскочили на другой берег и скрылись из виду. А очкарик остался лежать на полдороге. При спуске его нога наткнулась на какой-то камень и хрустнула. Очкарик скатился с санок, да так и остался лежать. Вот это был уже конец. Это был конец, даже если бы он попытался ползти. Только чуть полгубы не откусил себе от дикой боли. А стакан диаметром сейчас уже в миллионы километров.

А когда очкарик совсем ко льду начал примерзать, кто-то лизать ему щеки начал. Не волк и не росомаха, конечно. Те первым делом зубами бы попробовали. Это была Рыжая. Очкарик чуть не завыл от стыда, когда припомнил, как он убить ее хотел.

Рыжая ползла, и очкарик за ней. Очкарик лежал в бессилии, и Рыжая облизывала ему лицо и руки. Потом они снова ползли. Только не в ту сторону, куда убежали собаки. И Рыжая привела хозяина к избушке. Вот к этой, в которой нашли его. Рыжая лежала все время с очкариком, и когда он долго был в беспомощстве, легонько покусывала ему руку. Синяки и сейчас видно. И еще лизала лицо. И по-могла ему выжить.

— Но все это я узнал потом. А тогда очкарик только и сказал:

— Скучно мне было без вас, ребята. Если бы не Рыжая, с тоски загнулся.

Ух ты, ну и парень!

А Федька подошел бочком к очкарику и говорит:

— Напрасно ты, Кеша, так. За нами самолет пришел. Я только недельку провалялся.

А Кешка молчит.

— А насчет Веры ты не верь, — говорит Федька. — Это тогда со злости я тебе так говорил.

А Кешка молчит.

Тогда Федька вытер слезы, взял Кешку на руки и понес.

А я Рыжую понес рядом.

Вот такие дела.